

А. Л. ЯКОБСОН

АРМЯНСКАЯ СРЕДНЕВЕКОВАЯ АРХИТЕКТУРА В КРЫМУ

1

XIV и XV века отмечены в истории Крыма резким экономическим подъемом городов восточной части полуострова — Солдайи, Солхата (Крыма) и особенно Кафы, которая приобрела значение важного центра международной торговли Западной Европы и Руси с Востоком. Возросло и сельскохозяйственное производство восточного Крыма; свозившееся в Кафу продовольствие (особенно хлеб и рыба), направлявшееся далее в Константинополь, составляло значительную долю в снабжении византийских городов.

Кафа стала многолюдным торговым и ремесленным центром всего Крыма. Этническая пестрота, вообще характерная для больших средневековых городов, сказывалась здесь особенно сильно. Политическая власть в Кафе фактически принадлежала генуэзцам, в руках которых и сосредоточена была торговля, но основной этнический массив города составляли не генуэзцы, представлявшие собой господствующую верхушку населения, его эксплуататоров (количество их не превышало 1.5—2%; в 1475 г. их было всего 1000 человек), а главным образом татары, греки и армяне. Количество последних быстро увеличивалось: в 1439 г. в Кафе насчитывалось 30 000 армян, а в 1475 г. они составляли $\frac{2}{3}$ семидесятитысячного населения города.¹

Сейчас еще невозможно проследить процесс сложения этого этнического массива Кафы, как невозможно проследить и процесс роста армянского населения в Кафе и в Крыму вообще. Несомненно, что начало армянской иммиграции в Крым связано было еще с сельджукским вторжением в Армению в 60-х годах XI в., нанесшим стране тяжкий удар, а также с последующим захватом страны Византией, временно лишившей Армению самостоятельности. Все это вызвало массовое переселение армян на юг Малой Азии — в Киликию, где тогда уже было основано армянское княжество Рубенидов, и, отчасти, в Крым, доказательством чего может служить найденный в Феодосии, в церкви Сергия, хачкар (крестный камень) с датой 1047 г.² Однако вряд ли армянская

¹ W. Heyd. Histoire du commerce du Levant au moyen âge, 1885; русск. пер.: ИТУАК, 52, 1915, стр. 168 (по: Atti della Società Ligure di storia patria, t. V, 1867—1873, стр. 415; t. VII, 2, 1875, стр. 343).

² Хр. Кучук-Иоаннесов. Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах юго-западной Руси и в Крыму. Древности восточные. Труды Восточной комиссии МАО, т. II, вып. 3, М., 1903, стр. 67, 70, 75. Хачкар, на кото-

иммиграция XI в. в Крым была длительной и значительной. Сельджукская волна вскоре схлынула, а в XII—XIII вв., в эпоху политического объединения Армении и Грузии, Армения вступила в полосу исключительного экономического подъема, оборванного монгольским завоеванием, начавшимся в 30—40-х годах XIII в. Нашествие Чингисидов вызвало упадок Армении. Особенно же тяжелые и катастрофические последствия имели события XIV в. — захват страны персами, а затем туркменскими племенами „Черного барана“ и „Белого барана“ — в первой половине века, и страшное нашествие Тимура в конце XIV—начале XV в., опустошившие и разорившие страну: городская жизнь постепенно замерла, в конце XIV в. прекратилось существование Ани, цветущие плодородные равнины с их развитой системой орошения запустели. Режим непосильного гнета и физическое уничтожение армян вызвали настоящее бегство населения, главным образом городского, за пределы страны — в конце XIII в., а особенно в XIV в., и не только из коренной Армении, но и из Киликии,¹ которую уже с начала XIV в. громили мамлюкские султаны, в конце века покончившие с Киликийской Арменией и превратившие ее в пустыню. Одна из волн этих переселенцев направилась именно в Крым, вероятно по обычному морскому пути через Трапезунт, по которому издавна и повседневно велись сношения Крыма с Малой Азией.

Основная масса армян направилась, понятно, именно в восточную часть Крыма с его крупными развитыми городами — в Сугдею и Кафу, а не в западные его районы, экономически уже отсталые и хиревшие,² хотя попадали и туда, на что указывают армянские графити не позднее XIII в. в Херсонесе.³

В Сугдее (Судаке) армянская община во второй половине XIII в. уже наверняка существовала, что засвидетельствовано приписками к сурожскому синаксарю, где упоминаются армяне, говорится о дне празднования Пасхи местными армянами и т. д.⁴ Повидимому, значительная армянская община уже в конце XIII в. существовала и в Кафе. На это указывают акты генуэзских нотариес Кафы конца XIII в., упоминающие кафинских армян-ремесленников (скорняков); судя по тем же актам, в среде тамошних армян уже в то время выделялись богатые торговцы хлебом и рыбой, ростовщики.⁵ В начале XIV в. (1316 г.) армянам, наряду с греками и другими христианами-негенуэзцами, была выделена местность вне городских стен⁶ — вероятно, район нынешнего Карантина (с южной стороны города), о чем позволяют догадываться

ром Кучук-Иоаннесов прочел дату, соответствующую 1027 г., на самом деле относится к 1327 г. (см.: И. И. Б а б к о в. Очерки по исторической и культурной географии Крыма. II. Древнейшая армянская надпись Феодосийского музея; к вопросу о времени появления армян в Тавриде. Изв. Гос. Геогр. общ., т. 71, вып. 9, 1939, стр. 1985).

¹ Ф. Б р у н. Черноморье, II. Одесса, 1880, стр. 139.

² А. Л. Я к о б с о н. Средневековый Херсонес. МИА, вып. 17, Л., 1950,

гл. I.

³ Н. Я. М а р р. Заметки о двух армянских надписях, найденных в Херсонесе.

ИАК, вып. 10, 1904, стр. 107.

⁴ ЗОО, V, 1863, стр. 598 (№ 14 — 1283 г. об убийстве Самата, т. е., очевидно, Самбата-Смбата, ср. № 46), стр. 603 (№ 46 от 1306 г. о смерти „Ерничу, жены Самата армянина“; № 47 от 1242 г. — о смерти Давида, сына Сумбата), стр. 609 (№ 88 от 1292 г. о дне празднования армянами Пасхи). Ср.: В. Г. В а с и л ь е в с к и й, Труды, III, 1915, стр. CLXXXVIII.

⁵ G. I. Bratianu. Recherches sur le commerce génois dans la Mer Noire au XIII-e siècle. Paris, 1929, стр. 228.

⁶ Officium Gazariae. Monumenta Historiae Patriae, II, 1838, стр. 407.

сохранившиеся там армянские храмы XIV в. В начале XIV в. армянский епископ Кафы соорудил городской водопровод, которым долгое время пользовался весь город. В XIV же веке кафинские армяне активно участвовали в строительстве крепостных стен города, о чем сообщают генуэзский и армянский источники.¹ О большой иммиграции армян в Крым в XIV в. сообщает заметка в одной поздней армянской Четьи-Минее (XVII в.), хранившейся в Нахичевани на Дону. В заметке говорится, что масса армян после монгольского нашествия и разгрома Ани (40-е годы XIII в.) бежала на Волгу — в Ак-Сарай; однако притеснения татар заставили армян в 1299 г. обратиться к генуэзцам за разрешением переселиться в Кафу. „Они поселились в Феодосии, Газарате, Суркате и их окрестностях. Это случилось в 779 г. армянского летоисчисления“ (т. е. в 1330 г.).² О массовом переселении армян в самую Кафу и в район между Карасубазаром (ныне Белогорском) и Судаком, а также о том, что армянские купцы и ремесленники поселились в Старом Крыму, который они якобы называли Казаратом, — сообщает Сестренцевич-Богущ.³ Источником этих сведений послужила ему Записка архиепископа армянских церквей в России кн. Долгорукова-Аргутинского, поданная им кн. Потемкину в 1789 г.⁴

Однако в сообщении названных армянских источников следует внести существенные коррективы. Во-первых, в самой Кафе, как сказано, армянская община образовалась еще во второй половине XIII в. Во-вторых, что касается Газарата и Сурхата, расположенных на расстоянии дневного перехода от Кафы, к востоку от нее (ныне г. Старый Крым, в 25 км от Феодосии), то и тут армянское поселение возникло, несомненно, еще в XIII в.: в начале XIV в. здесь, у подножия горы, уже существовало большое армянское селение, основанное в местности Казарат (название это, очевидно, существовало до прихода армян и связано с пребыванием здесь некогда хазар), а самая гора (ныне Агармыш) получила имя св. Креста (Сурбхач), как она названа в приписке к армянскому евангелию 1347 г., написанному в Сурхате.⁵

Уже давно выдвинуто очень правдоподобное предположение, что самое название Сурхата—Солхата, как он обычно именуется в генуэзских и мусульманских источниках XIII—XIV вв.,⁶ представляет собой измененное генуэзцами армянское название горы Сурб-Хач, у подножия которой находилось указанное армянское селение, возникшее, вероятно, еще до прихода татар; только позднее, во второй половине XIII в.,

¹ Судя по более позднему письму протекторов Банка св. Георгия армянскому епископу Кафы (Atti, VII, 1875, стр. 277), а также заметке в армянской Четьи-Минее XVII в. (см. ЭОО, VI, 1867, стр. 552), передающей, хотя и в утрированном виде, сведения из какого-то более древнего источника.

² Г. Айвазовский. Заметка о происхождении новороссийских армян. ЭОО, VI, 1867, стр. 552.

³ S. Siestrenczewicz de Bohusz. Histoire du royaume de la Chersonèse Taurique. 2-е изд., СПб., 1824, стр. 320 (русск. перевод: История царства Херсонеса Таврийского, т. II, СПб., 1806, стр. 176—177).

⁴ Факт этот, но без надлежащей критики, постоянно повторяется в литературе по истории Крыма (см., например: В. Юргевич, ЭОО, V, 1863, стр. 828; Ф. Брун. Черноморье, II, стр. 138; F. MacIer. Arménie et Crimée. Сб. L'art byzantin chez les Slaves. Recueil, dédié à la mémoire de Th. Uspenskij, 2-me partie, Paris, 1930, стр. 359).

⁵ В. Д. Смирнов. Археологическая экскурсия в Крым летом 1896 г. ЗВОРАО, I, 1887, стр. 287.

⁶ Géographie d'Abulféda, trad. par. Reinaud, Paris, 1848, стр. 320; В. Д. Смирнов, ук. соч., стр. 287; П. Кеппен. О древностях южного берега Крыма. СПб., 1837, стр. 344—345.

татары, захватившие эти места и начавшие там обосновываться,¹ дали селению название Крым,² распространившееся затем на весь полуостров. Таким образом, наиболее вероятно, что возникновение Солхата, ныне Старого Крыма, разросшегося в XIV в. и ставшего, по отзывам современников, большим и красивым городом,³ было обязано именно армянам.⁴

Армянское население полуострова в XIV—XV вв. столь разрослось, что в умах многих современников — армянских писателей того времени — появилось даже представление о Крыме как о „приморской Армении“ (*Armenia maritima*); термин этот, повидимому, прочно вошел в армянскую историческую традицию XVIII—XIX вв.⁵

2

При таком значительном удельном весе армянского населения в Крыму, притом сосредоточившегося в городах, следовало ожидать обилия памятников материальной культуры, начиная с XIII в. — если не массового вещественного материала (его, в сущности, нет, так как ни в Кафе, ни в Солхате раскопки почти не производились), то монументального, т. е. архитектурного.

В действительности и этот материал крайне ограничен. Известно, что армянские общины имели в Крыму свою церковную организацию во главе с епископом, свои церкви и несколько монастырей, из которых особенно славился и почитался монастырь Сурб-Хач, находящийся близ Солхата, в лесной чаще на склоне гор.

Наиболее ранние сведения о существовавших в Кафе армянских церквях, в количестве трех, содержатся в старом генуэзском уставе Кафы (*Officium Gasariae*) 1316 г.⁶ В последующее время кафинские церкви, в том числе и армянские, перечисляет Статут Кафы 1449 г. В нем указаны все христианские церкви города, которых всего было тогда 19,⁷ из них собственно генуэзских католических — не менее 9.

Остальные церкви, как можно думать, были греческие и армянские — всего 10, причем к греческим можно с большей или меньшей уверенностью отнести 7 церквей, а к армянским 3 (Иоанна Предтечи, Михаила Архангела и св. Креста), т. е., что любопытно, то же количество, что и в начале 1316 г.

¹ Именно начавшие, хотя уже в 60-х годах XIII в. там сидел золотоордынский наместник (см.: В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, I, 1884, стр. 63). Правильнее говорить о захвате города татарами, об их политическом господстве там, а не о татарском заселении, которое произошло позднее, в XIV в. Что это так, показывает хотя бы статистика татарских надгробий, из которых к XIII в., и то лишь к последним его десятилетиям, относится всего два из числа известных, в то время как надгробия XIV в. составляют там 75% их. См.: Н. Бороздин. Новые данные о золотоордынской культуре в Крыму. М., 1927, стр. 18.

² В. Г. Тизенгаузен, ук. соч., например стр. 63 — *Géographie d'Abulféda*, стр. 320.

³ В. Г. Тизенгаузен, ук. соч., стр. 280 (Ибн-Батута). — В новое время эти сообщения приобрели легендарный характер, см.: П. Кеппен, ук. соч., стр. 340 (по Jos. de Guignes).

⁴ Еще в начале XIX в. армяне составляли основную часть населения г. Старый Крым.

⁵ J. Saint-Martin, *Analyse d'une tragédie arménienne*. Journal Asiatique, II, 1823, стр. 24. — W. Heyd, ук. соч., русск. пер., ИТУАК, в. 52, 1915, стр. 87.

⁶ *Monumenta Historiae Patriae*, II, 1838, стр. 407.

⁷ *Atti*, VII, 2, 1879; ЗОО, V, 1863, стр. 704—707 и прим. В. Юргевича на стр. 827. — См. также: Л. Колли. Кафа в период владения ею Банком св. Георгия (1454—1475). ИТУАК, 47, 1912, стр. 86—87.

В следующие века, с ростом армянской общины, число армянских церквей, вероятно, возросло. По словам доминиканца Дортелли д'Асколи, префекта Кафы, Татарии и пр., в 1634 г. „Кафа очень бойкий торговый город, куда съезжаются купцы из Константинополя, Азии и Персии. Город населен турками, греками, армянами и евреями. Турки имеют там до 70 мечетей, греки до 15 церквей и митрополита, у армян до 28 церквей и епископ, у евреев две синагоги.“¹ Из генуэзских же церквей уцелела лишь одна и та „сохранилась по милости и на средства армянского населения“, была им восстановлена, но приход ее оставался ничтожным.²

По сведениям Боплана (его сочинение об Украине и Крыме вышло в 1650 г.), не бывавшего в Кафе и пользовавшегося рассказами, в ней было в то время всего 45 церквей, из них 12 греческих, 32 армянских и 1 католическая,³ а по словам Пейсонеля (приезжавшего в Кафу в 1775 г.) там насчитывалось 24 армянских церкви.⁴

Однако эти сообщения о множестве армянских церквей в XVII и XVIII вв. вызывают серьезные сомнения.⁵

Во-первых, сомнение возбуждается „описанием Крыма“ Мартина Броневского (1578 г.),⁶ сообщающего о больших разрушениях в Кафе, учиненных там турками при захвате города в 1475 г.: „Римские христианские церкви уничтожены, дома разрушены... Только две католические церкви и армянские остались целы“.⁷ Надо полагать, что несколько десятков армянских церквей обратили бы на себя большее внимание такого внимательного наблюдателя, каким показал себя Броневский. Во-вторых, сомнение в том, что армянских церквей в Кафе было столь много, усиливается планом Кафы, составленным русскими в 1784 г.,⁸ т. е. через несколько лет после Пейсонеля. По этому плану, в Кафе в то время было не более 7 армянских церквей.⁹

Так или иначе, армянских церквей в Кафе было несколько; они существовали там начиная с конца XIII в. или наверняка с начала XIV в., а затем, в XVI—XVII вв., число их увеличилось.

Далеко не все эти здания сохранились. В том или ином виде дошло до нас 5 армянских церквей. Из них две внутри города: 1) церковь Сергия, построенная, вероятно, во второй половине XV в.,¹⁰ она представляет простую прямоугольную капеллу с выступающей апсидой и перекрыта полуциркульным сводом под двускатной кровлей; в архитектурном отношении здание мало выразительно, к тому же сильно искажено позднейшими перестройками и пристройками, относящимися ко

¹ ЗОО, XXIV, 1902, Материалы, стр. 118.

² Там же, стр. 119.

³ Описание Украины. Соч. Боплана (пер. с франц.), СПб., 1832, стр. 38.

⁴ Ch. de Peussone l. Traité sur le commerce de la mer Noire, 1787, или Die Verfassung des Handels auf dem Schwarzen Meere. Leipzig, 1788, стр. 67.

⁵ Сомнение это высказал еще В. Х. Кондараки (Универсальное описание Крыма, ч. 14, 1875, стр. 128, повторено в его же книге: В память столетия Крыма. История и археология Тавриды. М., 1883, стр. 113).

⁶ Посол Стефана Батория к крымскому хану, оставивший очень правдивый рассказ о виденном им в Крыму: Tartariae descriptio (русск. пер. — ЗОО, VI, 1867).

⁷ ЗОО, VI, стр. 348.

⁸ Издан в ЗОО, VIII, 1872, табл. IV.

⁹ Церкви Михаила и Гавриила, Сергия, „церковь с рельефами во олтаре“ (очевидно Иоанна Предтечи), Параскевы, Стефана 1491 г. и Георгия. Из них ц. Стефана была, вероятно, греческой, на что указывают греческие надписи ее фресок (описание их см. в статье Д. Маркова. Древнегреческая церковь в Феодосийском карантине, ИТУАК, 48, 1912, стр. 184—195).

¹⁰ В Статуте Кафы 1449 г. церковь не упоминается; следовательно, надо думать, она тогда еще не существовала.

времени не ранее XVIII в. (имею в виду колокольню); 2) церковь Михаила и Гавриила, 1408 г., о которой речь ниже. В округе города расположены: 3) церковь Георгиевского монастыря, что к северу от городских стен; однако здание, построенное не ранее второй половины XV в.,¹ сильно переделано, что затрудняет привлечение его к исследованию армянской средневековой архитектуры в Крыму; 4) церковь Иоанна Предтечи, купольная, 1348 г., о которой также речь впереди; 5) церковь Иоанна Богослова (тоже, вероятно, XIV в.), расположенная почти рядом с предыдущей, к югу от городских стен, на территории, называемой ныне Карантином.² По архитектуре своей здание без каких-либо существенных отклонений повторяет тип церкви Сергия.

Монументальные постройки армян вне Кафы дошли до нас в еще меньшем количестве. Выдающееся место среди них занимает упомянутый монастырь Сурб-Хач близ Старого Крыма с церковью 1338 г. В самом Старом Крыму армянских построек не сохранилось. Кроме того, известна небольшая церковь в сел. Топлы, вероятно XVI—XVII в., так же однонефная, с двускатной кровлей, с выступающей полукруглой апсидой³ и однородная с феодосийскими; известны также развалины церкви армянского монастыря близ Феодосии в Двужорной бухте, того же типа, относящейся к XV в., и, наконец, развалины такой же простейшей церкви близ Коктебеля, еще XIV в., так как в 1401 г. ее, согласно надписи, возобновляли.⁴ Другие армянские церкви вне Кафы не известны.

Но дело не только в количестве армянских церквей. В XIV в. хищное папство стремилось заключить унию католической и григорианской церквей. В связи с этим на протяжении XIV и, особенно, XV в. шла упорная и длительная борьба между верхушкой армянского общества, его богатым купечеством, сближавшимся по своим интересам с генуэзцами, и зависимыми от тех и других армянскими епископами — с одной стороны, а с другой — массой армянского населения города, составлявшего его подавляющее большинство. Эта религиозная оболочка скрывала, по существу, классовую борьбу, то затихавшую, то обострявшуюся (особенно в XV в.) до открытых выступлений.⁵

Католическая пропаганда среди местного населения — татар, греков и армян — с самого начала установления господства генуэзцев выступала как одна из важнейших политических задач их в Крыму, никогда, вплоть до прихода турок в 1475 г., не утрачивавшая актуальности и с течением времени даже усилившаяся.

Отдельные армяне-католики из числа, несомненно, богатых купцов, появились в генуэзских городах Крыма уже в начале XIV в.⁶ В 1321 г.

¹ В Статуте Кафы 1449 г. монастырь также не упомянут.

² См. план Феодосии с указанием расположения этих памятников в брошюре: Н. Барсамов и А. Заболотский. Феодосия. Прошлое города и археологические памятники. Феодосия, 1927.

³ Х. Кучук-Иоаннесов, ук. соч., рис. 16 (к стр. 72); даты постройки нет; возобновлена в начале XVIII в. (там же, стр. 74—75).

⁴ ЗОО, VI, стр. 330.

⁵ Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко. Из истории социальных отношений в генуэзских колониях Северного Причерноморья в XV в. Исторические записки, 7, 1940, стр. 24—26.

⁶ Об этом позволяет судить послание папы Иоанна XXII к архиепископу Кафы от 28 марта 1318 г., где говорится об армянах, обращавшихся к папе относительно некоторых обрядов; очевидно, речь шла об армянах-католиках (см., например: F. Masler, ук. соч., стр. 354, прим.). Возможно, что таковыми были и те „потерявшиеся“ армяне в Судакe, о которых упоминает одна из приписок к Суроожскому синаксарю под 1292 г. (ЗОО, V, 1863, стр. 609, № 88. — Ф. Брун. Черноморье, II, стр. 140).

был учрежден и орден для пропаганды унии армянской и римско-католической церкви („Fratrii praedicatorum uniti“),¹ существовавший вплоть до 1475 г.² и зависимый от доминиканцев.

Об одном богатом армяине, вероятно католике, дает знать фрагмент мраморной плиты конца XIV в. из Кафы с остатками армянской надписи о построении родника (т. е. его архитектурного оформления). На плите сверху помещен герб Генуи, рядом — агнец с лабарумом (заключенные в круг), далее видна часть герба — возможно, герба генуэзского дожа конца XIV в. Антониотто Адорно.³ Наличие герба Генуи указывает на то, что армянин, ктитор постройки, был из числа „генуэзцев“ (*cives januenses*), т. е. принадлежал к правящей верхушке Кафы⁴ и, судя по его социальному положению, равноправному с генуэзцами, являлся католиком.

Однако основная масса армян Кафы с огромным упорством противилась политике латинизации, отстаивая самостоятельность и независимость своей общины. Неудивительно поэтому, что политика генуэзцев и папства потерпела полный крах. И в середине XV в. она не привела к цели: действия генуэзского епископа Кампоры (1441—1458 гг.), направленные к приобщению массы армян и греков к папской церкви, встречали их энергичное противодействие и вызывали волнения в городе. Волнения эти вылились в общий социальный протест, который усиливался вместе с углублением социального расслоения и обеднением массы горожан (а среди них, как говорилось, большинство составляли армяне), о чем свидетельствовали и сами кафинские власти.⁵ Так продолжалось и в дальнейшем, притом еще в более открытой и резкой форме, и снова под флагом церковной борьбы.⁶

Лишь богатая верхушка армянского общества Кафы в лице своих епископов вела предательскую политику. Они были тесно связаны с крупным купечеством, как армянским, так и генуэзским (связаны даже родством),⁷ и выражали, таким образом, интересы господствующего купечества Кафы, являясь его прямыми ставленниками.⁸ Вполне понятно поэтому, что армянские епископы Кафы шли полностью в русле генуэзской политики, фактически осуществляя ее. В 1438 г. ими окончательно была принята уния армянской церкви с римско-католической, о чем было объявлено на Ферраро-Флорентийском церковном соборе 1438—1439 гг.,⁹ созванном для заключения унии между папской и византийской церквями. Однако армянский народ отверг эту унию.

В других городах восточного Крыма, где влияние генуэзцев сказывалось значительно слабее, католическая пропаганда была совершенно безуспешной: по крайней мере о ней нет никаких сведений в источниках. В таком городе, как Солхат (Крым), населенном в XIV в. преимуще-

¹ Ф. Брун, ук. соч., II, стр. 153.

² Л. Колли. Падение Кафы. ИТУАК, 54, 1918, стр. 167.

³ Л. М. Меликсет-Бекоев. Старинные армянские надписи в Музее Общества истории и древностей в Одессе. Тифлис, 1912, стр. 16 и сл.

⁴ И. А. Гольдшмидт. Кафа — генуэзская колония в Крыму в конце XIII — первой половине XV вв. Автореферат, М., 1952, стр. 10.

⁵ Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко, ук. соч., стр. 19 и сл.; Колли, ИТУАК, 47, 1912, стр. 88—89.

⁶ Е. С. Зевакин и Н. А. Пенчко, ук. соч., стр. 25—26; Л. Колли, ИТУАК, 55, 1918, стр. 164.

⁷ См.: Л. Колли, ИТУАК, 54, 1918, стр. 164—165.

⁸ W. Heud, пер., ИТУАК, 52, стр. 88.

⁹ Даже самый выбор армянских епископов в XV в. происходил под контролем генуэзского консула в Кафе и направлялся им (Л. Колли, ИТУАК, 54, стр. 165; 55, стр. 163—164).

ственно армянами и татарами, и где генуэзский элемент вообще не ощущался, унию совсем не признавали.¹

Эта вековая борьба за самостоятельность и независимость армянской общины в Кафе, направленная, по существу, против генуэзцев и сокнувшейся с ней армянской же торговой и денежной аристократии, иначе говоря, борьба классовая, хотя нередко и выступавшая под церковным покровом, нашла свое определенное и даже непосредственное отражение и в самой архитектуре армянских храмов XIV—XV вв. В формах их ясно сказались две резко выраженные тенденции: демократическое направление с его тяготением к формам родного армянского искусства и другое, противоположное, выразившееся в нарочитом подражании западной латинской архитектуре.

К этим архитектурным памятникам мы и перейдем.

3

Из всех указанных выше армянских церквей мы остановим внимание на трех, наиболее интересных: на церкви 1338 г. монастыря Сурб-Хач, близ Старого Крыма, и двух феодосийских купольных церквях — Иоанна Предтечи 1348 г. и ц. Михаила и Гавриила 1408 г.² Остальные названные постройки, в том или ином виде сохранившиеся, воспроизводят простейшую форму прямоугольника с апсидой, мало выразительную. Памятники эти интересны и важны фактом своего фаличия, а не как историко-художественный материал.

Начнем с армянского монастыря Сурб-Хач, церковь которого — древнейшая среди сохранившихся армянских построек Крыма.

Монастырь, как сказано, находится поблизости (4—5 км) от Старого Крыма в лесистых горах. Он представляет целый комплекс связанных между собой, но разновременных построек (рис. 1):³ 1) церковь с притвором (гавитом) 1338 г., 2) жилое двухэтажное здание с внутренним двориком, расположенным с южной стороны гавита и 3) два больших сводчатых помещения с внутренними столбами, находящиеся к западу от церкви, от которой они отделены внутренним двором монастыря.

¹ Рассуждение В. Х. Кандараки (Универсальное описание Крыма, ч. 9, СПб., 1875, стр. 65) о том, что не принявшие католичества кафинские армяне „решили выселиться в окрестности Кафы, основав там свои поселения“ и что это „подтверждается развалинами храмов их и основанием в Старом Крыму обширного монастыря“ (т. е. монастыря Сурб-Хач) и т. д. — ни на чем не основано и произвольно, ибо монастырь этот возник еще в начале XIV в., т. е. за столетие до уни армянской и папской церквей, да и самое селение армян в Солхате (Старом Крыму) не менее древнее. Упоминаю об этом потому, что в новейшей работе Е. С. Зевакина и Н. А. Пенчко (ук. соч., стр. 25) эти домыслы В. Х. Кандараки возведены почему-то в степень свидетельства и притом достоверного.

² Специальных работ, посвященных архитектуре этих памятников, нет, если не считать статью В. Лаврова (По античному и средневековому Крыму. Архитектура СССР, 1940, № 9, стр. 63—72). Научного значения эта статья не имеет, ибо она переполнена грубейшими ошибками.

³ Архитектурные памятники монастыря до сих пор не изданы: упоминания о его постройках встречаются попутно, например в путеводителях, но они мало что дают и здесь не приводятся. Древние надписи монастыря изданы: ЗОО, VI, 1867, стр. 325; Х. 1877, стр. 447—450 (перевод части труда Миная Медичи — Минаса Бжешкьяна „Путешествие по Польше и другим местам, обитаемым армянами“. Венеция, 1830). Некоторые замечания о постройках монастыря см.: В. Д. Смирнов, ук. соч., стр. 286—287, с соответствующими ссылками на старое описание начала XIX в. у армянского писателя Бжешкьяна. Публикуемые здесь планы армянских храмов в Крыму выполнены по обмеру автора, разрезы — по любезно предоставленным обмерам А. Л. Ротача, которому приношу большую благодарность.

В стене между этим корпусом и жилыми постройками находится проходное помещение, через которое ведет вход вовнутрь монастыря, в его двор.

Жилое здание с 16 кельями построено в 1719 г., о чем говорит надпись над входом во внутренний дворик здания со стороны монастырского двора. Надпись гласит: „С помощью божией, сия стена со всеми ее постройками, с этими прекрасными верхними и нижними кельями сооружены во славу св. Креста в 1171 г. армянского летосчисления (Р. Х. 1719). Пусть это будет памятью архиепископа Акопа...“¹ Здание состоит из восьми небольших помещений в нижнем этаже и стольких же в верхнем, куда ведет каменная лестница, начинающаяся от монастырского двора, рядом с входом во дворик этого жилого корпуса, и проходящая над нишей водоема. Вдоль западной и северной линии этих помещений идет галерея на деревянных столбах.² На южную сторону, в сторону сильного склона, здание выходит сплошной глухой стеной, возведенной, как и все остальные стены, из крупного бутового камня на извести с подтеской лицевой поверхности и с прокладкой деревянных лежней для придания кладке эластичности.

Западную часть монастырского комплекса занимают, как сказано, два больших помещения. Первое из них (8.93 × 9.07 м), угловое, перекрыто цилиндрическими сводами на семи подпружных арках, которые опираются на два симметрично расположенных зиждательных столба. Вход находится в юго-восточном углу, в западной стене — глубокая ниша камина.

Соседнее помещение (6.82 × 7.90 м), соединенное с первым проходом, также перекрыто цилиндрическими кирпичными сводами на четырех подпружных арках, которые опираются на массивный столб, стоящий не посередине, а ближе к южной стене помещения, что вызвано было расположением входа в помещение с того же двора. Оба помещения освещаются каждое тремя окнами, выходящими на запад, в сторону глубокого склона. Окна расположены в верхней части высокой и почти глухой стены, также сложенной из крупного бутового камня, но с чередованием полос камня и плоского кирпича (по 4 ряда) и широкими контрфорсами. Во втором помещении сохранилась надпись: „Я, Саркисповар, племянник вардапета Киракоса, служил св. Кресту 4 года, ради спасения души своей, года 1211“, т. е. 1762.³ Уже сама надпись косвенно указывает на то, что эти сводчатые помещения со столбами, являвшиеся наиболее вместительными в монастыре, были кухней и трапезной, что как раз и засвидетельствовано старым путешественником (Бжешкьяном).⁴

Следующее к югу помещение — глухое (в нем обычно держали скот); оно соединено лишь с упомянутым проходным помещением, также перекрытым полуциркульным сводом. Еще в начале XIX в. здесь находилась датирующая надпись: „Дверь эта устроена на память магдеси Саркиса года 1135 г.“ (т. е. 1686).⁵ Вряд ли это помещение, а по связи с ним и описанные сводчатые помещения построены намного раньше, хотя ничего определенного утверждать в этом отношении невозможно.

С северной стороны монастырский двор замыкается каменным забором, построенным, очевидно, еще позже (разрушен немецко-фашист-

¹ ЗОО, X, 1877, стр. 449.

² Во время второй мировой войны это здание сгорело.

³ ЗОО, X, стр. 449.

⁴ Там же.

⁵ Там же, стр. 447.

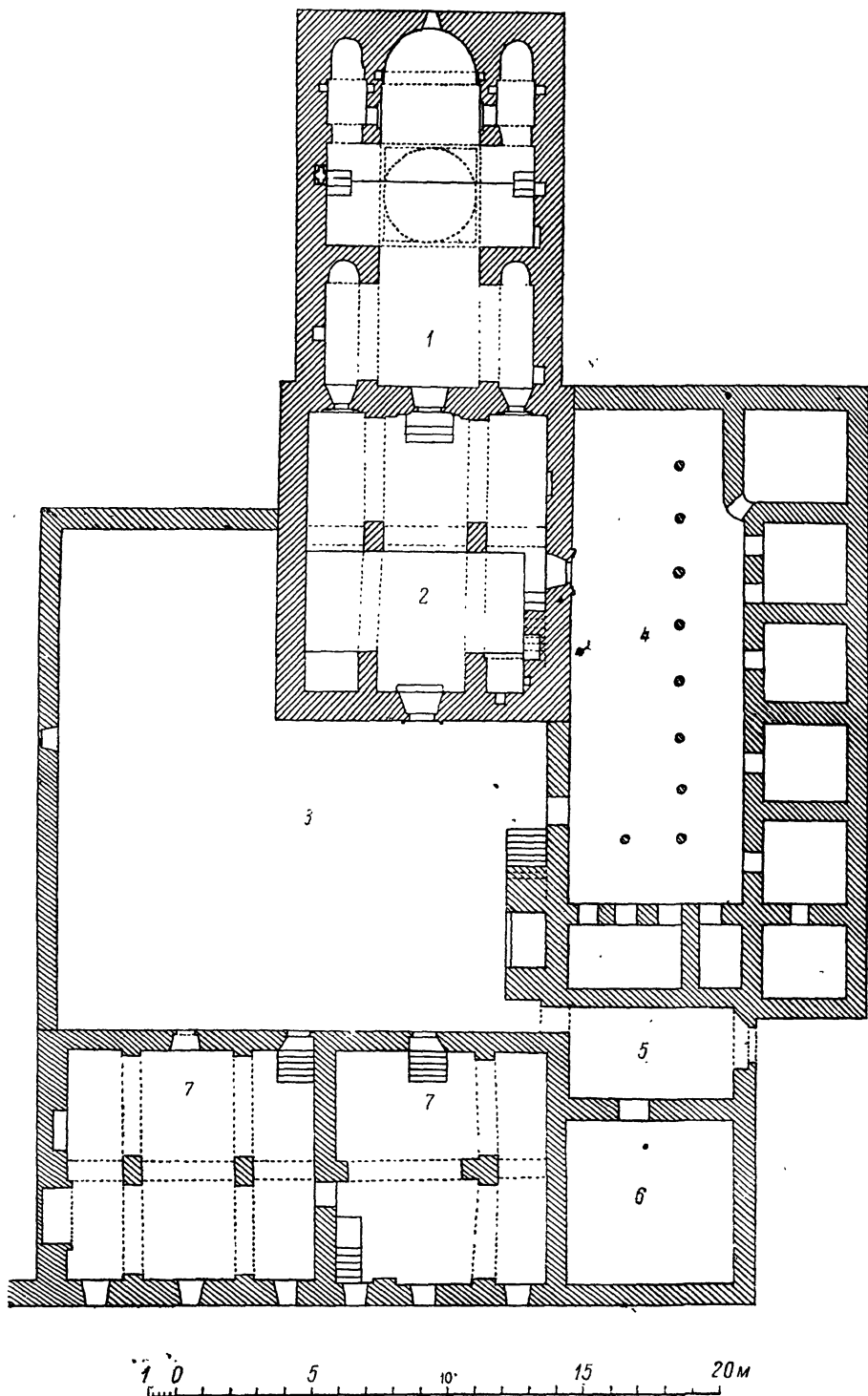

Рис. 1. Монастырь Сурб-Хач. Общий план монастырского комплекса.

1 — церковь 1338 г.; 2 — гавит; 3 — монастырский двор; 4 — внутренний дворик с галерей на деревянных столбах и жилыми помещениями (1719 г.); 5 — проходное помещение (XVII в.); 6 — помещение для скота (XVII в.); 7 — кухня и трапезная (XVII—XVIII вв.).

скими оккупантами). К забору, с внешней стороны, примыкало еще какое-то помещение, от которого уцелела лишь одна стена.

Наибольший интерес представляет центральная постройка монастыря — его храм св. Креста и примыкающий к нему с западной стороны гавит. Здание датировано надписью (в стихах), опоясывающей

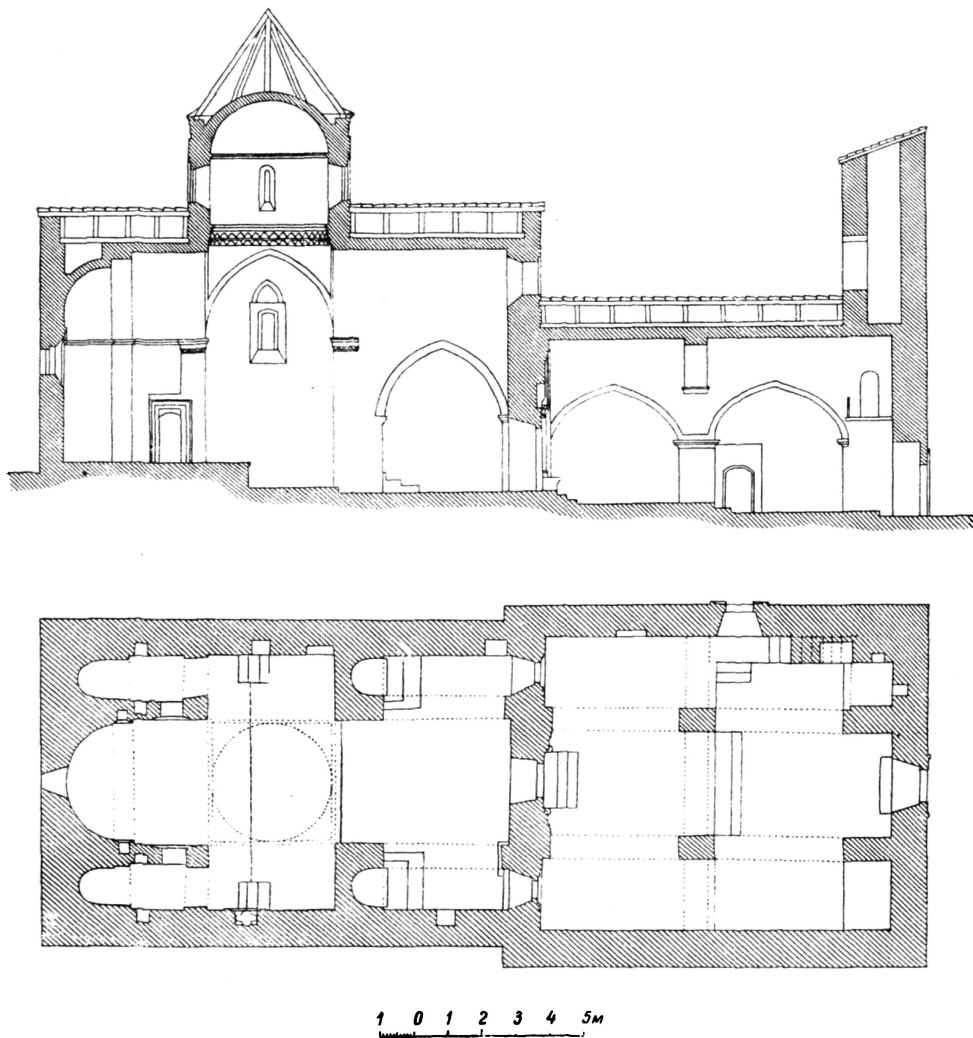

Рис. 2. Монастырь Сурб-Хач. План и разрез церкви и гавита.

барaban церкви над его окнами (под карнизом): „Сей божественный храм славы, на земле — рай древа жизни; он — подобие горнего неба и обиталища [св.] Троицы. От рождения во плоти Христа в тысяча триста тридцать восьмом году начав, воздвигнут во имя св. Знаменья усердием служителя его Ованнеса инока и родных братьев его и по духу сынов . . . “¹

¹ Перевод Хр. Кучук-Иоаннесова (ук. соч., стр. 72), проверенный и исправленный академиком И. А. Орбели. Старые переводы (ЗОО, VI, стр. 325 и X, стр. 448) существенно отличаются. В упомянутом „Путешествии“ Минаса Медичи (Бжешкьяна) 1820 г., изданном в 1830 г., говорится о том, что „в одном армянском описании жития мучеников, сохранившемся и поныне в Маджарах, сказано, что два брата Ованнес и Геворк были строителями этого монастыря“ (ЗОО, X, стр. 448).

Рис. 3. Монастырь Сурб-Хач. Восточная часть церкви внутри.

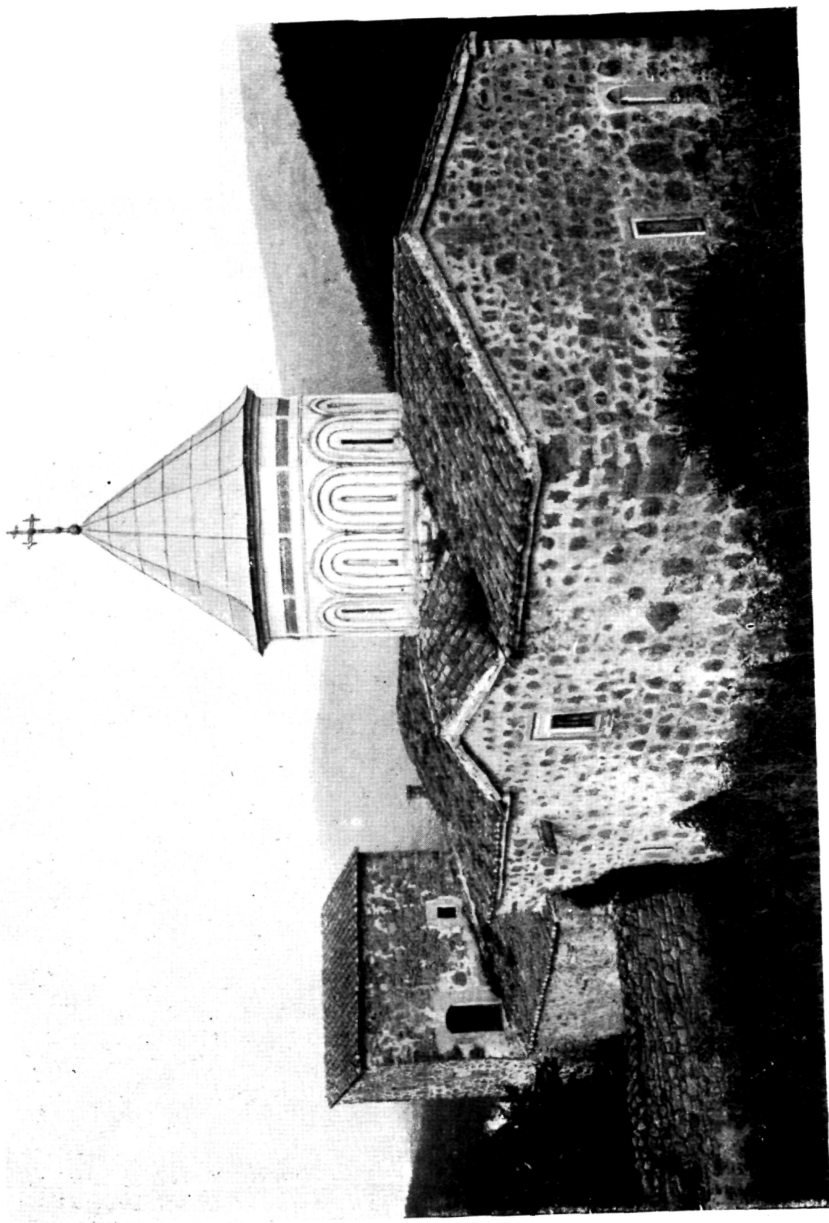

Рис. 4. Монастырь Сурб-Хач. Общий вид церкви и гавита с ю.-в. стороны.

Рис. 5. Монастырь Сурб-Хач. Ниша с купелью в северной стене церкви.

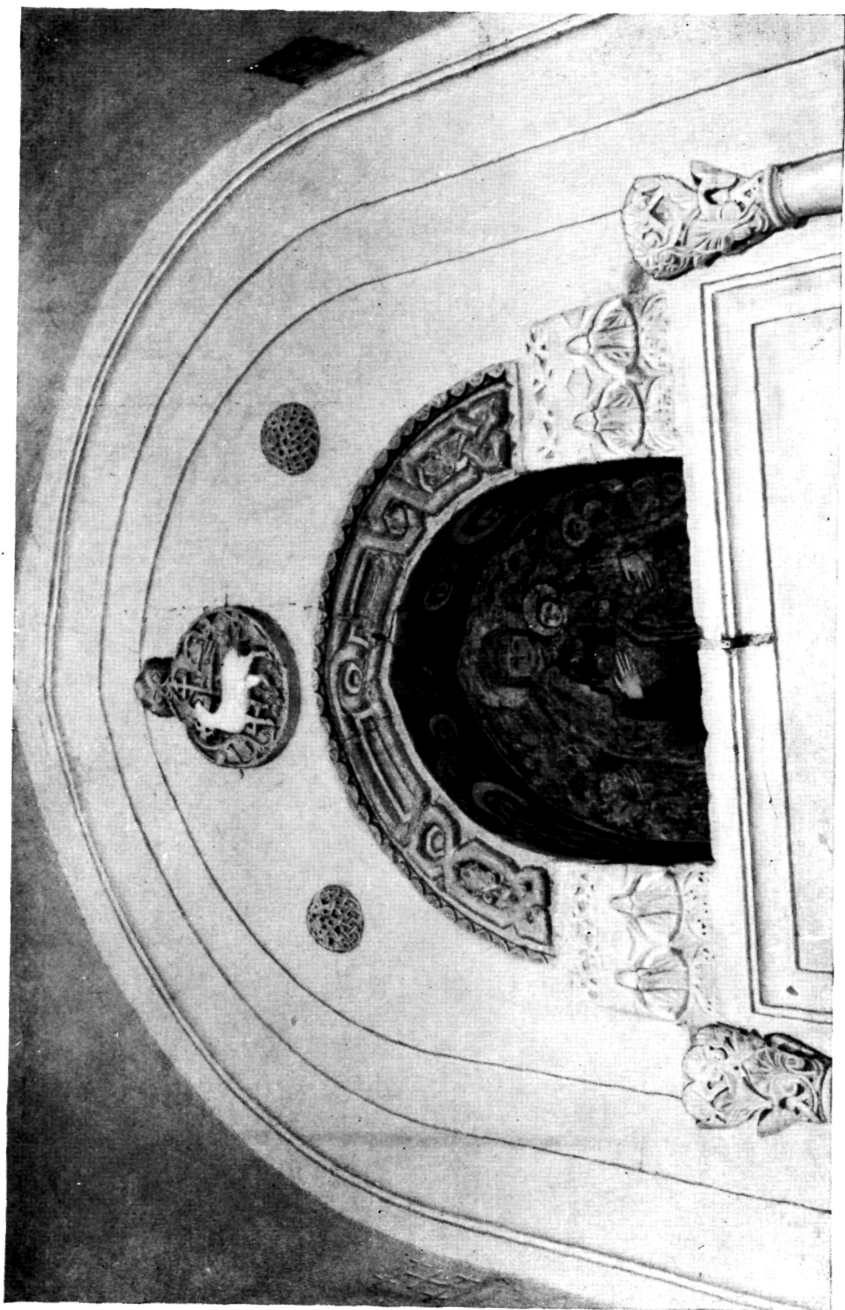

Рис. 6. Монастырь Сурб-Хач. - Западный портал; дегаль.

Здание самого храма воспроизводит крестовокупольную композицию с удлиненной восточной и короткими южной и северной ветвями креста, бемой и полукруглой апсидой, скрытой в толще стены и не выступающей наружу (рис. 2). Угловые секции заняты четырьмя хоранами с полукруглыми апсидами; из них два западных удлиненные, соответственно удлиненности западной ветви креста, куда они открываются широкими пролетами высоких стрельчатых арок. Восточные хораны короткие, с низкими проходами в бему и высокими до основания сводов проходами в южную и северную ветви креста (и также со стрельчатыми арочками, рис. 3). Таким образом, 4 основных подкупольных устоя не являются свободно стоящими (западная пара соединена с северной и южной стенами, а восточная — с восточной стеной, с низким проходом в ней) в противоположность обычному приему в византийской архитектуре XIII—XIV в., как столичной, так и провинциальной.

Ветви креста, как обычно, завершены полуциркульными сводами слегка стрельчатого контура, несущими круглый внутри и 12-гранный снаружи барабан, прорезанный четырьмя щелевидными окнами и увенчанный сферическим куполом.

Снаружи (рис. 4) здание представляет собой слабо расчлененный массив с редкими окнами (по одному на каждом фасаде, исключая западный, закрытый гавитом), нерасчлененными фасадами и очень слабо выделенными ветвями креста, завершенными плоскими, почти не выступающими щипцами. Угловые секции ничем не выделены: западная и восточная части здания подведены под общую плоскую двухскатную кровлю, прерываемую упомянутыми щипцами. Все это придает наружному облику здания характер монолитного однообразного массива, сложенного из того же бутового камня и лишенного, к тому же, какой-либо декорировки.

Контрастом выглядит 12-гранный купол, возвышающийся в средокрестье. В противоположность основной части здания, он облицован гладко тесаными небольшими плитами, положенными правильными рядами, и довольно сложно разработан: на каждой грани — по двойной (одна в другой) филенке с полуциркульным верхом, контур которых обегает тонкий жгут-полувалик, опирающийся на тонкие полуколонки по граням, а в верхней части арок он сплетен с горизонтальным карнизом в виде такого же полувалика, опоясывающим барабан. Над карнизом идет полоса с упомянутой надписью. Барабан венчается пирамидальным покрытием.

Декорировка внутри очень скромна: капители пилонов, как и соответствующих им настенных пилястров, украшены рядом мелких сталактитов; в основании барабана — мелкие арочки, наподобие сталактитов; ниша с купелью для крещения на северной стене обработана в виде наличника со сталактитовым верхом и обрамлена слабо профилированной рамой, над которой в центре помещен рельефный круг в виде венка (?) с неразборчивой фигурой внутри (густо замазана мелом) и с пальметкой наверху, а по бокам две половинки таких же кругов с полупальметками (рис. 5). Совершенно подобные же фигуры помещены на соответствующих местах на михрабе мечети Узбека 1314 г. в Старом Крыму.

На фоне этой скромной декорировки выделяется западный портал храма, выходящий в гавит (рис. 6). Проем входа заключен в профилированный наличник, по сторонам которого поставлены тонкие полуколонки с двухъярусными капителями, украшенными сплетенными лилиями. Такого рода капители обычны в архитектуре Крыма XIV—начала XV в.,

как в армянской и греческой, так и в татарской архитектуре,¹ и представляют собой воспроизведение капители, обычной в сельджукском зодчестве XIII—XIV вв. в Малой Азии, где этот мотив в основе, несомненно, армянского происхождения. Среди всех известных в Крыму зданий с такого рода капителями Сурб-Хач дает один из наиболее ранних образцов.

Над этим наличником входа с колонками помещена глубокая ниша со стрельчатым верхом и с фреской, изображающей Богоматерь с младенцем. Нишу фланкируют два отрезка широкого карниза, как бы прерванного нишею и состоящего внизу из резных плиток с полукруглым верхом, над которым протянут ряд сталактитов и орнаментальный пояс. Нишу сверху огибают бровка в виде рельефной „сельджукской цепи“.

Вся эта композиция наличника входа с нишей заключена в высокую и широкую профилированную (в виде трех плоских уступов) раму со стрельчатым верхом, тимпан которой и занимает ниша с фреской. Между ней и верхом рамы вставлен посредине рельефный круг с агнцем (голова в нимбе, повернута назад), за ним лабарум — знамя с крестом на длинном древке; все это — на фоне растительных побегов. Такой же круг с агнцем и лабарумом помещен в вершине купола самого храма. Этот образ агнца, как символ Христа, запрещенный в X в. Трулльским собором и тогда же отвергнутый восточно-христианской церковью, но удержанный латинским Западом,² известен и в Кафе среди генуэзских памятников: такой же круг с агнцем и лабарумом, но без окружающей его орнаментально-растительной резьбы, помещен между двумя гербами на плите с генуэзской строительной надписью 1363 г. о постройке латинской церкви св. Франциска в Кафе³ и на упомянутой армянской строительной надписи конца XIV в. в таком же сочетании с гербом.⁴ Однако в данном случае важнее тот факт, что такие же изображения агнца с лабарумом, иконографически тождественные, чеканились на монетах одного из Рубенидов — царя Киликийской Армении Леона III (1198—1219 гг.).⁵

По сторонам описанного круга с агнцем — на портале помещены две сильно выступающие шишки, украшенные мелким плетением, обычным в армянской и сельджукской архитектурной декорировке XIII—XIV вв.

Этот довольно сложный портал состоит, как видим, из набора мотивов, ставших обычными в архитектуре Крыма XIV и XV вв., одинаково — и в греческой, и армянской, и татарской. Мотивы эти непосредственно связаны с сельджукской архитектурой Малой Азии XIII—XIV вв.,

¹ Кроме описываемого портала, совершенно такие же капители украшают михраб и портал мечети и портал медресе Узбека в Старом Крыму 1314 г. (В. Д. Смирнов, ук. соч., табл. I; А. С. Башкиров. Сельджукизм в древнетатарском искусстве. Крым, № 2, 1926, стр. 118); портал дворца греческих владетелей Феодоро (Мангуп), 1425 г. (из раскопок 1938 г.; см. МИА, в. 34, 1953, стр. 417); портал мавзолея Ненеке-джан ханым в Чуфут-кале, 1437 г. Мотив этот доживает до XVI в.: такие же капители видим на портале мавзолея Хаджи-Гирея 1501 г. в Салачике, близ Бахчисарая.

² F. Cabrol. Dictionnaire d'archéologie chrétienne, вып. I, 1. 1903, s. v. Agneau (стр. 836).

³ В. Юргевич, ук. соч., 300, VII, 1868, стр. 276, № II, табл. VI, 4; E. Skrzinska. Inscriptions latines des colonies génoises en Crimée. (Оттиск из „Atti della Società Ligure di storia patria“, т. LVI, 1928), стр. 47.

⁴ Л. М. Меликсет-Беков, ук. соч., стр. 17.

⁵ С. А. Гамалов-Чураев. Классификация рубенидских монет. Труды Нумизматической комиссии РАИМК, IV, Петербург, 1923, стр. 5, табл. I, 10; ср. табл. I, 1, 9, 17 (монеты царя Этума I—1226—1270 гг.).

в основе которой, как можно утверждать, лежит именно армянское искусство.¹ Портал храма Сурб-Хач, скомпонованный из привнесённых с юга декоративных мотивов, интересен своеобразной переработкой и сочетанием этих элементов, хотя и не во всем оправданным (ничего не несущие капители, прерванный нишей сталактитовый ряд), и обилием их: мастер словно стремился отобразить в своем произведении все популярные декоративные мотивы своего времени, но не сумел объединить их в стройную и логичную систему. Композиция портала носит поэтому провинциальный характер, как и все здание в целом.

Гавит, пристроенный в притык к храму, очень прост по своей композиции и представляет просторную трехнефную залу (10.31 × 8.82 м), построенную из того же крупного бутового камня с подтеской лицевой поверхности; внутри она оштукатурена. Зала перекрыта тремя продольно ориентированными полуциркульными сводами, разделенными арками, опирающимися на два прямоугольных столба в центре; с западной стороны арки упираются на сильные выступы (короткие стенки). Входов два — с южной и западной стороны; оба имеют простой наличник в виде профилированной рамы. Гавит освещается высоко расположенными двумя окнами с южной стороны и одним с западной стороны. Перекрытие гавита плоское двускатное.² В юго-западном углу гавита начинается каменная лестница, ведущая четырьмя маршами³ в надстройку над юго-западным углом гавита в виде прямоугольного помещения, перекрытого цилиндрическим сводом (ось его юг—север). Помещение, возможно, предназначалось под колокольню, как об этом говорится в описании Бжешкьяна 1820 г.⁴, но затем, очевидно, было перестроено и превращено, вероятно, в служебное помещение. Следует подчеркнуть ближайшее сходство гавита с описанной выше трапезной, также двухстолбной, и с совершенно подобным гавитом ц. Иоанна Предтечи в Карантине в Феодосии XIV в. (см. ниже). Возможно, что к этому же времени относится и гавит Сурб-Хача, хотя настаивать на такой сравнительно ранней дате нельзя, ибо планировка эта была, повидимому, очень устойчивой.

Наибольший интерес представляет, как сказано, центральная постройка монастыря — его храм 1338 г. Если отвлечься от его декоративного наряда, в целом довольно скромного, и обратиться к самой его архитектуре, то нетрудно убедиться, что зодчий здания имел перед собой совершенно определенную задачу: воспроизвести композицию, обычную для его времени в культовой архитектуре самой Армении. Именно там единственно принятой в то время была система размещения хоранов (приделов) во всех угловых секциях, а не только по сторонам алтарной апсиды; именно там обязательно и обычно было соединение подкупольных устоев со смежными стенами, что устраняло дробление пространства такими устоями и придавало ему единство, составляющее

¹ И. А. Орбели. Проблема сельджукского искусства. Доклады III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии. Л., 1939.

² Здание сильно пострадало, как и весь монастырь, во время фашистской оккупации. В гавите плиты пола большей частью были взломаны и лежали навалом, и, кроме того, в полу вырыты ямы. В храме был полный развал, плиты алтарного возвышения также были взломаны, покрытие купола отсутствовало. Жилой корпус, как сказано, сгорел, остальные здания лишились кровли.

³ Первый марш идет вдоль южной стены, далее лестница поворачивает и 2 марша идут вдоль западной стены (лестница сначала идет в северную сторону и выходит на хоры, затем поворачивает на южную сторону) и, наконец, снова вдоль южной стены.

⁴ ЗОО, X, стр. 448.

одну из самых характерных особенностей армянской средневековой архитектуры вообще. Наоборот, в византийской архитектуре (и в столичной и в греческой провинциальной) и в архитектуре греческих центров в Малой Азии (Трапезунт),¹ как и в архитектуре Грузии (в противоположность соседней Армении), — свободно стоящие устои обычны и обязательны. Даже в Херсоне (Херсонесе), в XIII в. уже разобщенном с Византией, но где византийское влияние в культовой феодальной архитектуре еще по традиции сказывалось, эта особенность присуща всем его храмам того времени.² Наконец, характерна и такая черта, как сплошной, в виде глухой стены, восточный фасад, на котором алтарные полукружия совершенно не выделены и не выступают. Такая система была единственной принятой в Армении, в противоположность опять-таки византийской архитектуре, где восточные полукружия снаружи всегда объемны. В подтверждение сказанного можно сослаться на множество памятников армянской культовой архитектуры XII—XIII вв., хотя бы на изданные, где все отмеченные черты наблюдаются постоянно.³

Храм Сурб-Хач имеет вместе с тем и отличия, свои особенности. Так, обработка многогранного барабана, расчлененного по граням на вставленные одна в другую филенки, не встречается в Армении и, наоборот, типична именно для византийской архитектуры; именно там принцип глубоко расчлененного фасада, лишённого монолитности и трактованного как система устоев, соединенных тонкими перегородками и как бы уведенных на задний план, являлся руководящим, начиная, по крайней мере, с XI в.⁴ Однако расчленение это в Сурб-Хаче, во-первых, плоскостное, во-вторых, — применено только на барабане (стены храма совершенно плоскостны и монолитны); о последовательном применении византийского художественного приема во всем здании поэтотому не может быть и речи: это лишь слабый отзвук определенной системы, к тому же отраженной в Крыму не только в Сурб-Хаче. Ту же расчлененность, притом столь же плоскостную, мы наблюдаем в храме близ сел. Лака (в 12 км от Бахчисарая) XIII в. и в некоторых храмах Херсонеса того же времени.⁵ Это была местная переработка некогда модных столичных архитектурно-художественных приемов, оставшихся чуждыми зодчим Крыма и воспринятых ими чисто внешне. К началу XIV в. указанная черта уже успела, повидимому, приобрести местный крымский облик.

Эта особенность, уже утратившая черты собственно византийской системы, сочетается в Сурб-Хаче с местной техникой всего здания, построенного из бутового камня. Уже одно это с несомненностью указывает, что строителями храма были местные артели каменщиков, имевшие задание воспроизвести армянскую архитектурную композицию, что они полностью, без отступлений и выполнили в привычной для них технике. Наконец, местный колорит зданию придает и его декорировка: использовав заморские (малоазийские) декоративные мотивы, сельджук-

¹ G. Millet. L'école grecque dans l'architecture byzantine. Paris, 1916, стр. 62—63, 84 сл.

² А. Л. Яковсон. Средневековый Херсонес. МИА, вып. 17, 1950, стр. 231 сл.

³ См. хотя бы МАК, XIII, чертежи памятников XIII в. на стр. 3, 54, 67, 106, 124, 162. — Н. М. Токарский. Архитектура древней Армении. Ереван, 1946, стр. 170, 180—182, 187, 267.

⁴ Н. И. Брунов. Архитектура Константинополя IX—XII вв. Виз. вр., т. II (XXVII), 1949, стр. 199, 208—209.

⁵ А. Л. Яковсон, ук. соч., стр. 238, 242, 248.

ские по непосредственному источнику и армянские по происхождению, они их передали опять-таки в своей редакции — пусть провинциальной и упрощенной, но местной, точнее сказать — ставшей уже местной.

В целом, храм в монастыре Сурб-Хач — это армянская архитектура в специфически крымском провинциальном преломлении, в местной традиционной технике и со скромным декоративным убранством, уже отошедшим от собственно армянского, которое строителям, вероятно, и не было знакомо. Повидимому, требования ктиторов храма, желавших видеть у себя в монастыре именно армянский храм, не шли дальше основы собственно архитектурной композиции.

В связи со сказанным естественно предположить, что ктитория монастыря Сурб-Хач еще не были униатами и, наоборот, придерживались родной григорианской церкви.

Такому заключению не может противоречить и изображение агнца с лабарумом на портале храма и его куполе, известное, правда, на надписи XIV в. в одной из латинских церквей Кафы, но еще до того встречающееся, как сказано, на монетах царей Киликийской Армении конца XII—начала XIII в. Таким образом, достоверным указанием на католическую принадлежность храма Сурб-Хач, построенного еще в первой половине XIV в., это изображение агнца с лабарумом служить, полагаем, не может.

До некоторой степени такое заключение может получить подтверждение, хотя и косвенное, в надписи того же монастыря, правда поздней — середины XVIII в. (1751 г.), но отражающей, надо думать, очень старую традицию, связанную вообще с этим монастырем и передававшуюся из поколения в поколение. В этой надписи, вставленной в стену, отделяющую монастырский двор от внутреннего двора жилого корпуса, поблизости входа в него и рядом с гавитом, сказано следующее: „Милостью божьей монастырь Сурб-Хач вторично возобновлен великолепно, а также храм и наружные дворы с окружающими [их] стенами. Он — престол всего нашего народа григорианского вероисповедания на острове (в Крыму, — А. Я.), т. е. жителей Кафы, Карасу, Бахчисарая, Геозлу (Евпатория, — А. Я.), всех сел с Каушанами [и] притом с Румелией, коих мужи и жены... содействовали сему (возобновлению монастыря, — А. Я.) во времена епархиального начальника острова архиепископа Адама... Он был радетелем и виновником перестройки... Год спасителя нашего 1751, лета армянской эры 1200“.¹

Эта надпись говорит о принадлежности монастыря григорианской церкви, правда в позднее время, т. е. о том же, о чем свидетельствуют для XIV в. самые формы храма — родные армянские. А все вместе взятое убеждает в том, что монастырь Сурб-Хач XIV в. принадлежал именно григорианской церкви, а не католической.

Менее наглядно, но все же достаточно отчетливо черты собственно армянской архитектуры можно наблюдать и на другом армянском храме — в самой Кафе, расположенном вне древнего города, за его крепостными стенами, в местности нынешнего Карантина — возможно на территории старого армянского посада, возникшего, вероятно, еще в период массового переселения армян в Крым (см. выше, стр. 167). Это церковь Иоанна Предтечи, построенная в 1348 г.

¹ Хр. Кучук-Иоаннесов, ук. соч., стр. 73—74.

Небольшое по размеру (снаружи — 5.0×3.5 м) прямоугольное здание, сложенное из бутового камня на известке, разделено на две части выступами северной и южной стен (рис. 7). На эти выступы опираются 4 арки, идущие вдоль указанных стен; в западной секции между ними

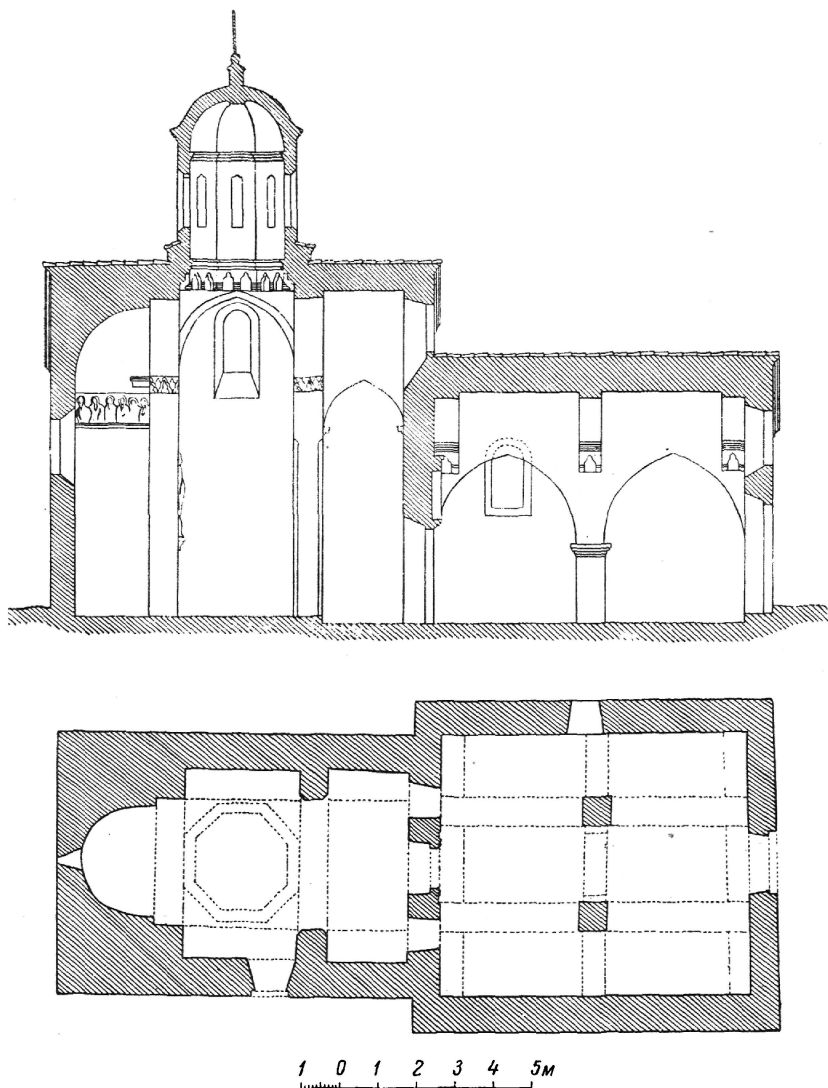

Рис. 7. Церковь Иоанна Предтечи. План и разрез.

зажат полуцилиндрический свод; в следующей части (центральной) на них опирается ребристый барабан, завершенный куполом. С восточной стороны к этой части примыкает полукруглая апсида с узкой бемой, завершенная конхой с высоко поднятым окном. Снаружи — тот же совершенно нерасчлененный массив с гладкими стенами из бутового камня под общей двухскатной кровлей; лишь центральная часть выделена небольшими щипцами на южном и северном фасаде (рис. 8).

Западный вход, выходящий в гавит, имеет довольно богатый прямоугольный наличник¹ (рис. 9), состоящий из „сельджукской цепи“ и обрамляющего его пояса, заполненного резным орнаментом: он заключает в себе уже знакомые нам пальметки, соединенные между собой стебельками и окруженные широкими листьями с „глазком“; этот орнаментальный элемент чередуется с плетенкой. Стилистически тождественный орнамент — на портале мечети Узбека 1314 г. в Старом Крыму, близкий ему — на дюрбе Ненеке-джан-ханым 1437 г. в Чуфут-Кале. Что касается „сельджукской цепи“, то она в качестве мотива архитектурной декорировки была в Крыму XIV—XV вв. очень популярной и встречается повсеместно и в самой Кафе (армянская ц. Михаила 1408 г. и еврейская синагога XIV—XV вв., ныне разрушенная), в греческой архитектуре Мангупа (дворец 1425 г. и базилика, возобновленная, вероятно, тогда же) и в татарской архитектуре Бахчисарая и его окрестностей (дюрбе в Чуфут-Кале и Хаджи-Гирея 1501 г.). Выступающие из стены пилоны и выступы по сторонам апсиды завершены капителями в виде ряда сталактитов — мотивом, столь же популярным в зодчестве Крыма той поры — и армянском, и греческом, и татарском.

Но наиболее интересны рельефы в восточной части здания. Здесь две фигуры святых фланкируют алтарное полукружие: с южной стороны помещена фронтально поставленная бородастая фигура Иоанна Крестителя в рост, в омофоре (рис. 10а); с северной стороны — бородастая фигура Георгия, также в нимбе, представленная в легком повороте налево (ноги в профиль), с поднятой левой рукой и согнутой правой, в хитоне с развевающимися нижними концами (рис. 10б).

По верху апсиды над простым карнизом, который обегает ее, помещены в ряд, вплотную друг к другу, прерываясь лишь окном, погрудные рельефы двенадцати апостолов (рис. 11), представленные фронтально, в омофорах; головы (с нимбом) слегка повернуты вправо или влево. Над окном — также погрудное изображение Христа; изображение выветрилось, детали утрачены, как и у двух соседних (с южной стороны) фигур. В целом рельефы изображают сцену евхаристии, обычную в византийской и древнерусской живописи после XI в., но передача ее в рельефе, насколько знаю, беспримерна — ни в византийской архитектуре вообще, ни в древнерусской, ни в Крыму такие рельефы не встречаются. Зато изображение евангельских сцен, а также всей сцены евхаристии в рельефе известны в Армении, хотя и там чаще встречаются отдельные рельефы святителей, Христа и Богоматери, помещенные над входом в церковь или на хачкарах, а также ктиторские группы, относящиеся преимущественно как раз к XIII и началу XIV в., притом переданные в той же несколько обобщенной манере, стилистически очень близкой к той, в какой выполнены рельефы армянской церкви Кафы.

Приведем некоторые опубликованные примеры. Прежде всего упомянем сцену евхаристии, высеченную в рельефе на фоне мелких растительных разводов и помещенную в тимпане портала храма Оганнованка (Аштаракского района Армянской ССР) 1217 г.²

Фигуры представлены в рост и в движении, изображение их не проработано соответственно малому масштабу рельефа. Особенно

¹ Верх его частично срезан, так как проем в позднейшее время повышен и завершен полукружием.

² А. Л. Якобсон. Очерк истории зодчества Армении V—XVII вв. Л., 1950, стр. 147; К. Кафадарян. Ованнаванк и его надписи. Ереван, 1948, рис. 20—21. (На арм. яз.).

близко к нашему рельефное изображение в рост апостолов Петра и Павла по сторонам входа в церковь конца XIII в. в монастыре Сурб-Степанос (близ Гегарда, Котайкского района);¹ как и апостолы по сторонам апсиды в кафской церкви, они изображены в тех же позах: один из них — фронтально, другой — с небольшим поворотом, как бы в движении; там и здесь видим близкий характер одежды с развевающимися концами.

Далее можно привести целый ряд рельефных изображений, выполненных в столь же обобщенных формах, также напоминающих фигуры апостолов в Кафинской церкви. Таков рельеф XIII в. в монастыре Имирзик, где представлена фигура в рост с воздетыми руками и в омофоре.² Аналогичны фигуры Богоматери и парона Буртела в ктиторской группе на колонне ротонды храма-усыпальницы в Нораванке 1339 г.³

Известно довольно большое количество погрудных изображений Вседержителя и Богоматери с младенцем, относящихся к тому же времени (XIII—первой половине XIV в.); они помещались обычно на западном фасаде храма или гавита — в тимпане портала и окна над ним или в тимпане входа в верхнюю церковь, если здание двухэтажное. Таковы рельефы в церкви 1339 г. монастыря Аствацацин в Даралагезе⁴ или на западном фасаде гавита 1261 г. в Нораванке;⁵ та же композиция представлена в Нораванке на западном фасаде упомянутой двухэтажной церкви-усыпальницы парона Буртела 1339 г.,⁶ причем в тимпане входа в верхнюю церковь Христос изображен погрудно, как в кафинской церкви; рельеф трактован в общей форме, без проработки деталей, как и два предстоящих на том же рельефе, изображенные в рост. Упомянем аналогичное изображение на фоне растительных разводов над западным входом ц. Спитакавор Аствацацин в монастыре Иоанна Предтечи (Карапета) 70—80-х годов XIII в.⁷

Последние два изображения особенно близки к рельефам церкви в Кафе — по всему своему облику коренастых статичных фигур, переданных общей массой, с плоскостной проработкой деталей, что придает фигурам характер скульптурного примитива; вместе с тем это придает им и монолитность, хорошо вяжущуюся с монолитностью архитектурных форм самого здания.

Еще многочисленнее рельефные изображения Христа и предстоящих на армянских крестных камнях (хачкарах) XIII—начала XIV в., стилистически не выпадающие из всей группы перечисленных рельефов. Некоторые из них изданы.⁸

Все это показывает, что не только в выборе самого способа изображения евангельского сюжета каменным рельефом, а не фреской (которую не признавала армянская антихалкедонитская церковь), что совершенно чуждо было византийскому и греко-восточному искусству, но и по всему стилю своему эти рельефы ближайшим образом связаны

¹ МАК, XIII, 1916, стр. 61 и табл. XVI, 36.

² Там же, стр. 68.

³ Там же, рис. 101, 104—105 (стр. 188—189). В своде того же храма помещены рельефы Христа с ангелами по сторонам (там же, стр. 188).

⁴ Там же, стр. 121 и табл. XXXI, 65 (Аствацацин-ванк, 1339 г.).

⁵ Там же, стр. 168 и табл. XXXVI, 80 и XXXVII, 81.

⁶ Там же, табл. XL, 88, 89.

⁷ Г. Овсебян. Потомство Тарсанча Орбелиана. Христ. Восток, т. II, вып. 2, 1914, табл. XXX.

⁸ МАК, XIII, табл. V, 10; XXXVIII, 84; Гарегин Овсебян. Аменаприк монастыря Хавутгара и одноименные памятники армянского искусства. Иерусалим, 1937, стр. 63, 75, 77, 85. (На арм. языке).

Рис. 8. Церковь Иоанна Предтечи. Общий вид с юго-восточной стороны.

Рис. 9. Церковь Иоанна Предтечи. Наличник западного входа.

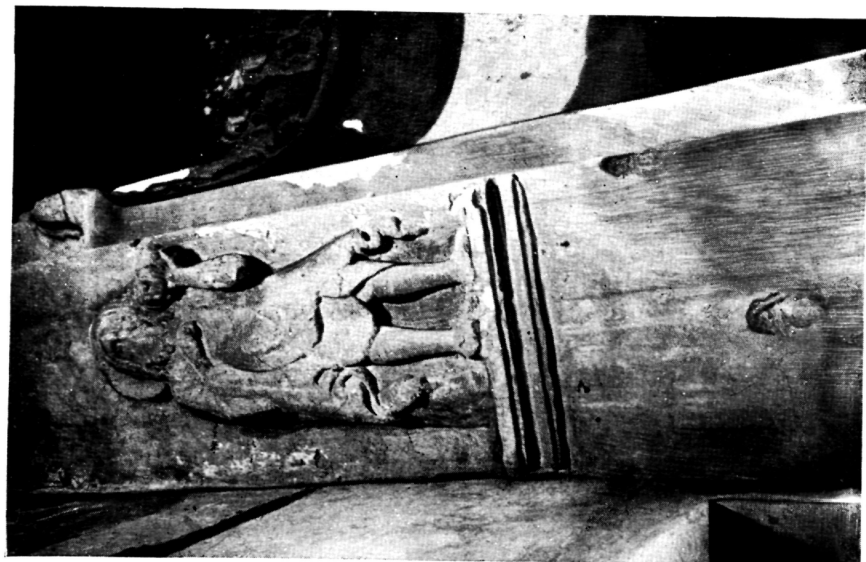

Рис. 10б. Церковь Иоанна Предтечи. Рельеф на северной части восточной стены.

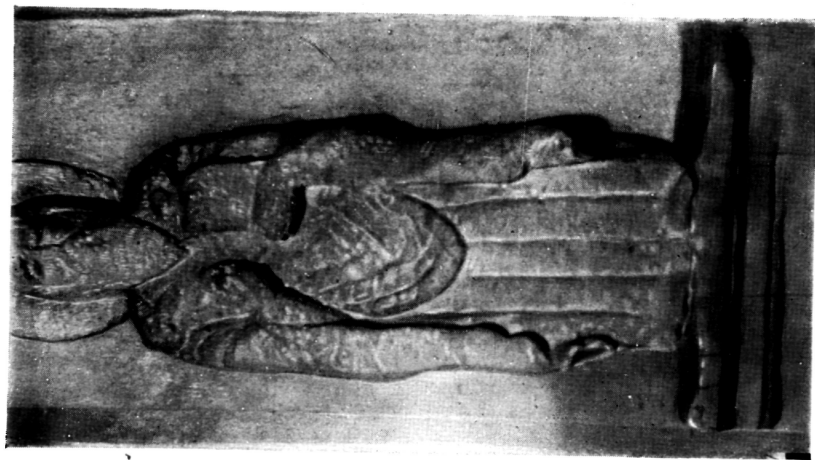

Рис. 10а. Церковь Иоанна Предтечи. Рельеф на южной части восточной стены.

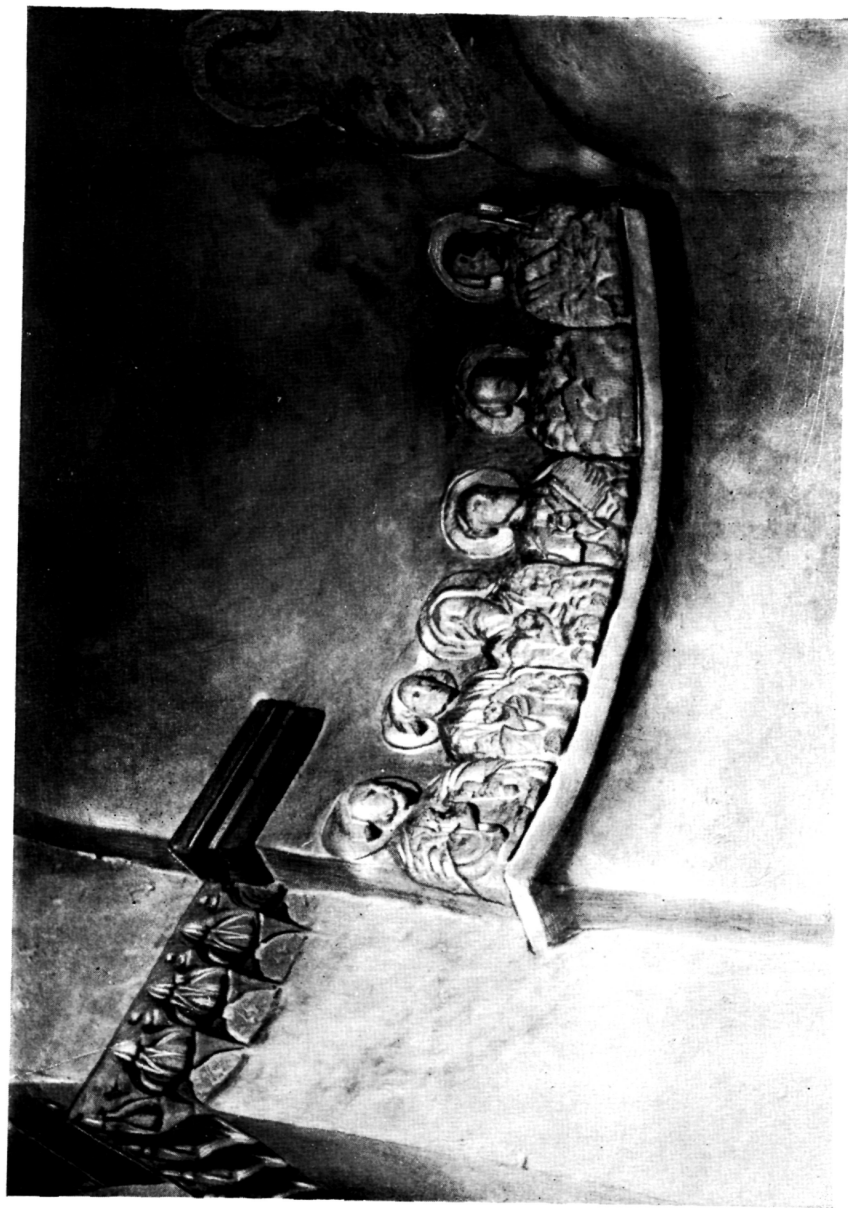

Рис. 11. Церковь Иоанна Предтечи. Рельефы апостолов на стене апсиды (северная сторона).

с армянской монументальной пластикой того же времени — XIII и первой половины XIV в.

То же в полной мере относится и к собственно архитектуре церкви Иоанна в Кафе. Как и храм Сурб-Хач, она воспроизводит в упрощенном виде типичную для Армении в XIII—начале XIV в. архитектурную композицию небольших церквей, в которых соответственно их маленькому, иногда ничтожному размеру до предела была упрощена известная композиция купольных зал, где широко расставленные устои были соединены с южной и северной стенами.¹ Примеры таких поздних армянских церквей, в основе своей совершенно тождественных с церковью Иоанна в Кафе, опять-таки многочисленны и повсеместны.² Зато в византийской архитектуре, столичной или на периферии, греческой архитектуре Малой Азии и самого Крыма такого рода композиция абсолютно не встречается.

Гавит церкви, пристроенный к ней позднее (точная дата, ввиду отсутствия надписи, не известна), представляет собой прямоугольное помещение (внутри 4.05×3.45 м), более широкое, чем церковь, с двумя внутренними квадратными в сечении столбами, на которые опираются две пары высоких, стрельчатого контура, арок, перекинутых вдоль здания с запада на восток и делящих здание на три нефа. С северной и южной стеной и между собой столбы также соединены короткими арками, составляющими подпруги трех полуциркульных сводов, которые перекрывают три нефа гавита. По своей планировке он совершенно тождествен гавиту ц. Сурб-Хач и также находит себе точные параллели в позднесредневековой архитектуре Армении.³

Таковы два сохранившиеся памятника культовой архитектуры армян в Крыму XIV в. Оба они, как видим, ясно следуют армянской архитектурной традиции, широко представленной на родине ктиторов этих церквей. Оба здания носят, вместе с тем, специфически местный характер, что сказывается не только в обычной для местных каменщиков строительной технике зданий (бутовый камень, лишь местами с облицовкой тесаными плитами), но и в провинциальном упрощении армянских образцов и, наконец, в их декорировке, представляющей собой определенную переработку малоазийских декоративных композиций (порталы и их отдельные элементы), армянских лишь по своему происхождению.

4

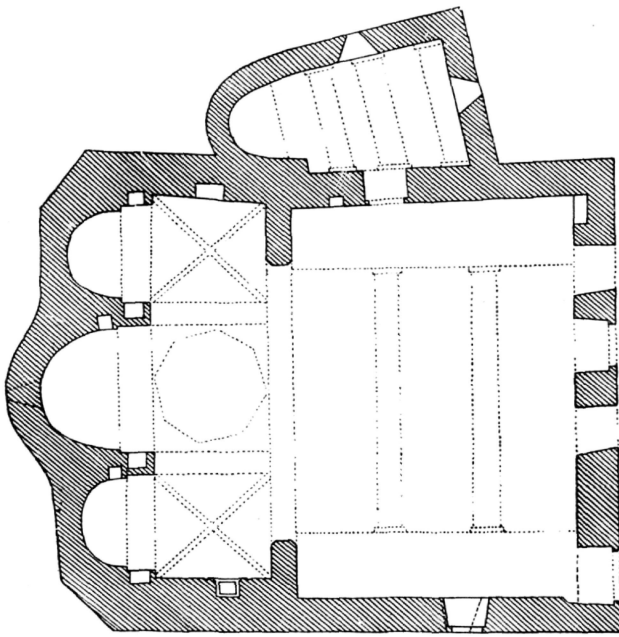
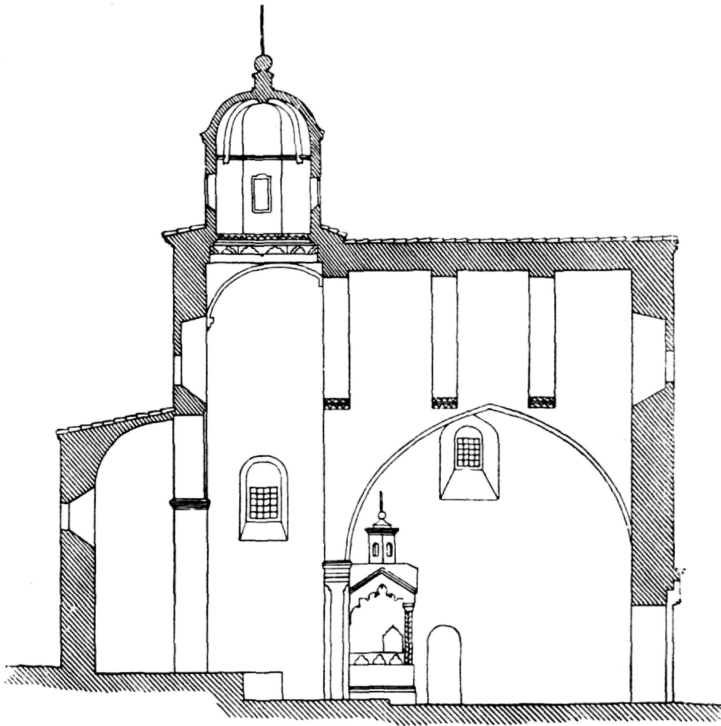
Контрастом, в сравнении с этими зданиями, выглядит третий памятник армянской архитектуры в Крыму — церковь Гавриила и Михаила в Кафе же, построенная близ городских стен внутри города; место постройки, полагаем, также не лишено значения при осмыслении форм этого здания.

Дата здания содержится в сохранившейся строительной надписи „Сей храм построен во имя небесных воинов Гавриила и Михаила служителей бога-слова, на праведные средства Астватцатура, супруги

¹ О происхождении и развитии этого типа см.: Н. М. Токарский, ук. соч., стр. 68—71; А. Л. Якобсон. Очерк истории армянского зодчества. Л., 1950, стр. 45—47.

² См., например, МАК, XIII, чертежи на стр. 44, 75, 85, 101 (рис. 46), 120. Здесь опубликованы памятники лишь Даралагеза, но подобные постройки многочисленны и в других районах Армении, например в Цахкадзоре, но большей частью они не изданы.

³ МАК, XIII, стр. 44, 84, 160.

1 0 1 2 3 4 5м

Рис. 12. Церковь Михаила и Гавриила. План и разрез.

Ахут-Хатун, родителей Садата и Хатун, детей Хачатура, Леона, Иоаннесса, магдуси Мелика. Лета 857“ (= 1408 г.).¹

Плановая (рис. 12) и пространственная композиция здания состоит из двух частей: западной, большей части, представляющей собой широкий неф, и восточной части, являющейся трансептом.

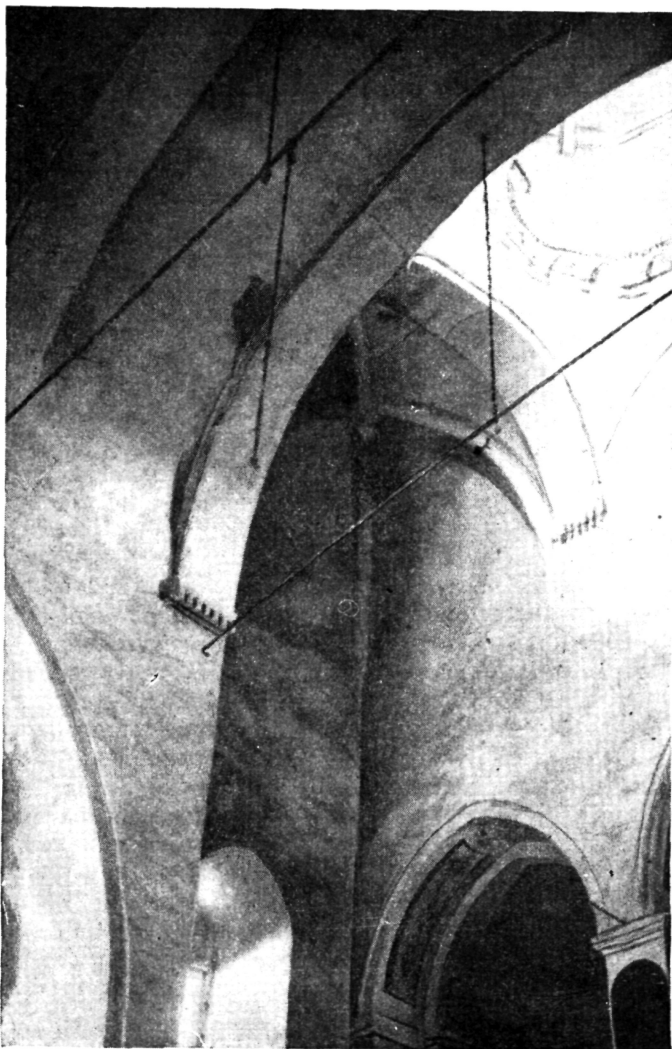

Рис. 13. Церковь Михаила и Гавриила.
Вид внутри: западный неф и трансепт.

Неф (ширина 3.5 м) ограничен широкими арками слегка стрельчатого контура, перекинутыми с западной стены на выступы, имеющиеся на северной и южной стенах и отделяющие неф от трансепта. На эти арки опирается высокий полуциркульный свод собственно нефа (ориентирован с запада на восток) с двумя подпружными арками также стрельчатого контура.

¹ Текст и перевод: Х. Кучук-Иоаннесов, ук. соч., стр. 69.

Довольно узкий (ширина 1.5 м) трансепт (рис. 13) сильно возвышается над нефом и отделен от него аркой, опирающейся на упомянутые выступы северной и южной стен. Трансепт членится на три квадратные части высоко поднятыми арками; две крайние (северная и южная) части перекрыты крестовыми сводами с сильными гуртами, а над средней возвышается 8-гранный световой барабан с четырьмя узкими окнами, завершенный куполом на четырех гуртах. В основании барабана — слегка нависающий карниз, состоящий из сильно профилированных кронштейнов (по два с каждой стороны), соединенных арочками трехлопастного очертания; карниз явно имитирует пояс машикулей, подобных тем, которые венчают башни генуэзской крепости Кафы.

К трансепту примыкает резко пониженная апсидальная часть, состоящая из трех полукружий, из которых средняя выступает на Восток немного больше, чем боковые. Апсиды перекрыты конхами; триумфальная арка имеет также слегка стрельчатый контур.

Внутренние объемы хорошо выражены в наружных массах здания, которые столь же отчетливо членятся на две основные части — неф и трансепт (рис. 14). Пониженные боковые арки нефа обусловили трехчастность его наружного объема, благодаря чему наружная композиция западной части здания приобрела форму трехнефной базилики с обычной двухскатной кровлей средней части и односкатными боковых. Стремление придать зданию облик трехнефной базилики, верней создать иллюзию ее, составляло, надо полагать, одну из задач строителя.

Сильно возвышающийся трансепт, доминирующий в общей композиции здания, выступает на восток сплошной стеной (рис. 15), прорезанной лишь одним окном в средней части (над апсидой) и так же, как внутри, ясно членится на три объема, из которых средний немного возвышается над боковыми, составляя основание восьмигранного барабана со сферическим покрытием. Пониженные апсидальные полукружия выступают за пределы основного массива здания, причем округлые очертания снаружи имеет только среднее полукружие; линии боковых апсид выпрямлены, а с краев они имеют грани, сливающие их с южной и северной стеной. Здание выстроено в обычной для того времени технике — из бутового камня на извести; своды и углы выложены из тесаного камня. Не только внутри, но и снаружи здание полностью оштукатурено. Обращает внимание небрежность планировки храма: южная стена идет не совсем параллельно западной (неф как бы сужается); та же неправильность замечается в южной части трансепта.

С южной стороны к зданию примыкает более поздняя, но все же древняя пристройка — капелла в виде удлиненной неправильной формы камеры с глубоким апсидальным полукружием (без окна) и перекрытая полуцилиндрическим сводом на трех подпружных арках с простыми профилированными кронштейнами. Вход в капеллу — из самой церкви; освещают ее два окна — на западной и южной стенах. Кровля пристройки односкатная.

Вход в здание первоначально имелся лишь в западной стене; ныне их четыре, причем центральный расположен не посередине;¹ остальные

¹ У этого входа были поставлены замечательные деревянные резные двери (рис. 16) с надписью, содержащей дату их — 1371 г. (Х. Кучук-Иоаннесов, ук. соч., стр. 69 и рис. 15). Двери эти первоначально, как явствует из надписи, принадлежали армянской же церкви Сергия и только значительно позднее перенесены в церковь Михаила. Ныне хранятся в Государственном Эрмитаже. Двери представляют выдающийся интерес и достойны специального исследования, выходящего за рамки настоящей статьи.

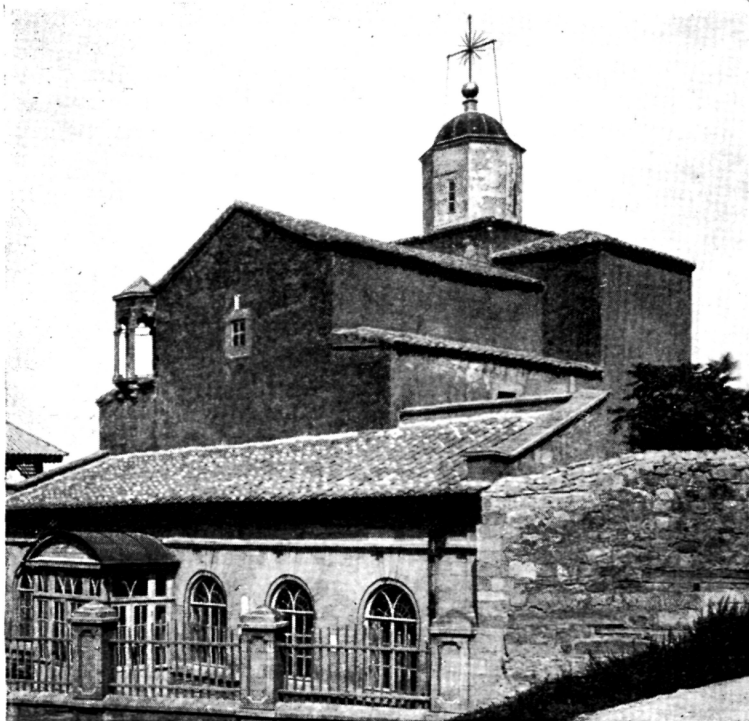

Рис. 14. Церковь Михаила и Гавриила. Общий вид с юго-западной стороны.

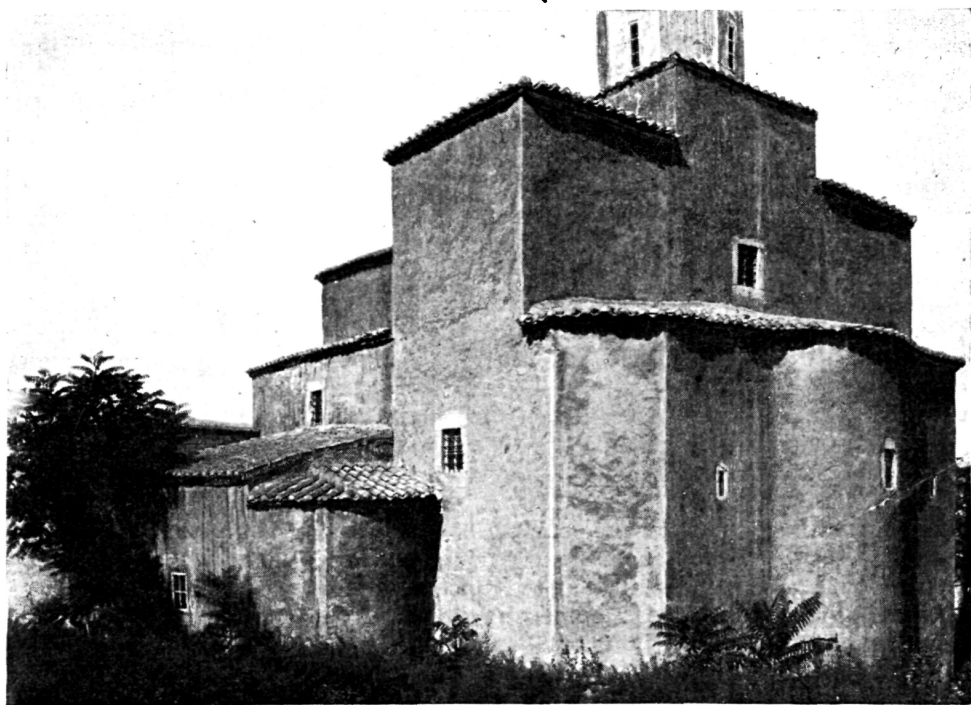

Рис. 15. Церковь Михаила и Гавриила. Общий вид с юго-восточной стороны.

три входа, возможно, являются результатом позднейших переделок. Декорировка внутри почти отсутствует: кроме упомянутого декоративного карниза в виде машикуль в основании барабана, украшения (мелкими зубчиками) имеют лишь кронштейны у основания всех подпружных арок. Кроме того, декоративным наличником с „сельджукской цепью“ украшена ниша, устроенная в северной стене трансепта. Снаружи здание совершенно лишено декоративного убранства. Украшена лишь миниатюрная 4-колонная ротонда-колокольня, поставленная над западным краем северного „нефа“.

Здание в целом производит впечатление монолитного массива, состоящего из нескольких простых, резко выделенных и контрастирующих друг с другом объемов. Впечатление это усиливается тем, что стены почти лишены проемов (они почти глухие) и какой-либо декорировки.

С первого же взгляда на здание становится ясно, что с архитектурой самой Армении оно не имеет ни малейшей связи, ни единой точки соприкосновения. В этой армянской церкви нет ни одной армянской черты. Ктиторы храма Гавриила и Михаила явно избегали родное искусство. Они теперь ориентировались на совсем иную культуру.

Прежние задачи, ясно выраженные в более ранних армянских постройках, нами рассмотренных, — возможно полнее отразить формы архитектуры Армении — в дальнейшем, в начале XV в., уже утратили, как видно, актуальность и отпали. Теперь встала иная, диаметрально противоположная задача — воспроизвести формы латинской архитектуры. Это, в меру своих сил и умения, и выполнили строители церкви Гавриила и Михаила, взявшие за образец типичные формы западноевропейской, точнее говоря, итальянской архитектуры своего времени.

Вряд ли такое совпадение форм случайно, как и то, что ктиторы и строители сочли необходимым обратиться именно к итальянской архитектуре, как своему образцу. Конечно, не непосредственно в Италии черпал эти формы зодчий армянской церкви в Кафе начала XV в. Эти образцы находились, надо думать, рядом, под боком — в самой Кафе, где, судя по Статуту Кафы 1449 г., существовало много генуэзских церквей. Отсутствие их самих, совершенно не сохранившихся (ибо генуэзские церкви, повидимому, были сплошь разрушены турками, о чем, еще по живым воспоминаниям, говорит Мартин Броневский, 1578 г.), лишает нас возможности подтвердить это предположение.

Но остается факт: армянская церковь Гавриила и Михаила 1408 г. без отступлений воспроизводит архитектуру генуэзцев. Это католическая церковь армянского прихода с соответствующими этому ее новому качеству формами. Не случайно, может быть, и то, что расположена она не за городом, а в пределах его, что как бы косвенно отражало — по крайней мере, фактически, а не официально — равноправное положение армянской церкви в генуэзском городе.

Смена архитектурных форм — это смена архитектурных и, следовательно, идейных задач. Теперь, в начале XV в., эти новые формы призваны были отразить новое положение армянской церкви как организации в Кафе — положение, хотя официально еще и не установившееся (это произошло на тридцать лет позже), и новое положение ктиторов ее — верхушки армянского общества Кафы. Архитектура церкви свидетельствует об их латинской, конкретно — генуэзской политической ориентации.

Выше уже говорилось о консолидации армянской денежной и торговой аристократии Кафы и ее ставленников, армянских епископов.

Рис. 16. Церковь Михаила и Гавриила. Деревянные двери
1371 г.

с генуэзцами в XV в. В сфере церковной это привело к унии армянской церкви и католической, о чем было официально объявлено в 1438 г. в Киликии, но уния не была принята народом ни там, ни в самой Армении, и поэтому не осуществилась.

Но акт этот подготавливался, конечно, в течение долгого времени. Союз армянской буржуазии (по отношению к армянам Кафы XV в. мы можем сказать именно так) с генуэзцами, политически господствовавшими в Кафе, установился, можно думать, еще до церковной унии, предрешив ее.

В этом, в сущности, и находят себе объяснение латинские формы церкви Гавриила и Михаила. Не менее ясен архитектурный язык армянских церквей XIV в. в Солхате и Кафе, еще армянский, свидетельствующий о времени самостоятельности и независимости армянской церкви, жившей традициями своей родины и еще не объединившейся с генуэзской.

Резкая смена архитектурных форм непосредственно отразила перемены в политической жизни Кафы. В этом интерес и значение исследованных выше памятников армянской архитектуры в Крыму.
